

Библиотека драматургии
Агентства ФТМ, Лтд.

Константин
Симонов

Так и будет

Библиотека драматургии Агентства ФТМ

Константин Симонов

Так и будет

«ФТМ»

1944-1970

Симонов К. М.

Так и будет / К. М. Симонов — «ФТМ»,
1944-1970 — (Библиотека драматургии Агентства ФТМ)

«Так и будет» относится к пьесам Симонова о последнем периоде Второй мировой войны, тонко уловившим умонастроения людей, находящихся в переходном состоянии от военного существования к мирной жизни. Героико-романтическая драма нанизана на жесткий каркас имущественного конфликта, а точнее, пресловутого «квартирного вопроса» – залог крепкой интриги во все времена. В годы войны в квартиры жильцов, считавшихся без вести пропавшими, вселяли других, потерявших жилье при бомбежке – вселяли официально, но на временных правах, с формулировкой «до возвращения законного владельца». Вот, в одну из таких квартир, в которой уже обосновалась интеллигентная семья видного архитектора, и приезжает на побывку с фронта главный герой пьесы – инженер-полковник Савельев, и его неожиданное появление катализирует все последующее действие. Зайдя в свой кабинет, он сразу отмечает, что фотографии его семьи (погибших в начале войны жены и дочери) по-прежнему висят на своих местах – безусловное свидетельство уважения к чужому личному пространству и душевной деликатности новых постояльцев. Да и сам полковник, будучи тактичным, решает не обременять собой незнакомых людей и поселиться на все время своего пребывания в гостинице. Обостренное чувство такта обеих сторон не мешает обеим сторонам подойти к ситуации с юмором и счастливо разрешить создавшееся напряжение совместным проживанием на общей территории. Пьеса сильна своими психологически выверенными персонажами, в том числе, и второстепенными: так, сослуживец полковника, майор Анна Греч – становится носителем ценностных ориентиров для Ольги, взрослой дочери архитектора, лишившейся матери в раннем детстве, а также, выступает своеобразным ангелом-хранителем влюбленных и поддерживает зарождающееся чувство между Савельевым и Ольгой, которые, в силу разных причин, не признаются в этом даже сами себе. Финал – по-чеховски размыт: полковник опять уезжает на фронт, но, следуя логике общего

жизнеутверждающего тона пьесы, квартирному уплотнению, на сей раз – по собственному желанию, героям не миновать.

© Симонов К. М., 1944-1970

© ФТМ, 1944-1970

Содержание

Действующие лица	6
Действие первое	7
Картина первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Константин Симонов
Так и будет
Пьеса в двух действиях, шести картинах

Действующие лица

Федор Алексеевич Воронцов – академик архитектуры, 55 лет.

Тетя Саша – его сестра, 60 лет.

Оля – его дочь. 23 года.

Дмитрий Иванович Савельев – инженер-полковник, 40 лет.

Вася Каретников – его адъютант, лейтенант, 28 лет,

Ваня – воспитанник Савельева, 13 лет.

Полковник Иванов – артиллерист, 40 лет.

Анна Григорьевна Греч – майор медицинской службы, 42 года.

Степан Степанович Чижов – управляющий домом, 50 лет,

Сергей Николаевич Синицын – архитектор, 20 лет,

Надя – старший сержант, зенитчица, 28 лет.

Дело происходит в Москве летом 1944 года.

Действие первое

Картина первая

*Москва, начало осени. Большая общая комната в квартире Воронцова. Три двери. У круглого обеденного стола за утренним поздним чаем **Воронцов** и **Надя**.*

Надя. Ну, как блинчики мои? Хуже не стали?

Воронцов. Лучше. Как все после долгой разлуки.

Надя. Я на батарее девочкам тоже иногда пеку.

Воронцов. Хвалят?

Надя. Хвалят. Это как развлечение – вдруг блинчики испечь. Скучно.

Воронцов. А тебе непременно чтоб бомбы? Наш-то старый дом проморгала. Мало тебе? Ты что же, теперь сержант?

Надя. Старший.

Воронцов. Старший. А нос все курносый. После войны обратно ко мне в работницы не пойдешь?

Надя. Не пойду.

Воронцов. И не ходи. Занятие обидное и вымирающее. Ну, как тебе моя Ольга после разлуки?

Надя. Еще лучше стала.

Воронцов. Уж сибиряки сватались, сватались.

Надя. Жалко, Виктор Иванович погиб.

Воронцов. Да. Вот тут, бывало, сидел. Но любил сладкий чай, помнишь?

Надя. Помню.

Воронцов. И погиб. Не муж ей был, но помнить себе о нем велела.

Надя. И помнит?

Воронцов. Помнит. Пока. До любви. Ведь память – она только от напрасного охраняет. А придет любовь, все ломает.

Надя (*кивнув на дверь*). А Сергей Николаевич все дружит, ходит.

Воронцов. Дружит. Все мы так. Дружим, дружим...

*Оля выходит из своей комнаты вместе с **Синицыным**.*

Оля. И беру с тебя слово: после лекции – сразу к нам.

Синицын. Хорошо.

Воронцов. Первая публичная? Волнуешься?

Синицын. Немножко. До свидания. (*Уходит.*)

Оля (*в дверях*). Приходи. А то поссоримся.

Воронцов. По-моему, и так поссорились.

Оля. Пока нет.

Пауза.

Дай блинчик!

Воронцов (*отправляя блинчик в рот*). Какой блинчик? Вот у сержанта проси.

Надя (*улыбнувшись*). Нажарить?

Оля. Нажарь. Мы его выгоним в кабинет, а сами тут, как он выражается, – навернем.

Надя выходит.

Воронцов. Объяснился?

Оля (*кивнув*). И главное, зачем? Все было так хорошо.

Воронцов. Молчание – золото? Да? А мысли?

Оля. Что мысли?

Воронцов. Мысли его на этот предмет тебе – что – неизвестны были? А впрочем, сам виноват. Любитель слишком длинных осад. Глупо. Я сторонник штурмов. Штурмовал твою мать три дня и счастливо жил с ней до ее смерти. Итак, он сказал тебе «будь моей», а ты предложила ему взамен чистую дружбу? Так?

Оля. Не совсем так, но, в общем, да.

Воронцов. Не поймет.

Оля. Почему?

Воронцов. Потому что мужчина. Будет ходить и надеяться. Я в этих вопросах за старинное варварство: «Я прошу вашей руки, Глафира Степановна». – «Нет, я не буду вашей женой, Тимофей Лукич». – «Прощайте, Глафира Степановна». Цилиндр в руки, и больше в этот дом ни ногой. А вы: «Сереженька, приходи вечером, а то я рассержусь. И завтра приходи, и после-завтра. Будем вместе смотреть альбомы и пить чай с папой!»

Оля. А знаешь, ты, как фокусник, – раз, и самую серьезную вещь вдруг вывернешь так, что она выглядит глупо.

Воронцов. А почти в каждой серьезной вещи есть своя глупая сторона!

Оля. Что ты злишься на меня?

Воронцов. На тебя? Я на него злюсь. Он же талант! Я то вижу. Он когда за проектную доску садится, чертом делается. Когда-нибудь такие города строить будет, что нам и не снилось! Я в сорок первом сам в ополчение пошел, а его, молокососа, забронировал, думаешь, так просто? Талант... А, душа не по таланту. Средняя душа, небольшая. Ему бы, по его таланту, такую душу иметь, чтоб в ней все потонуло – и Виктор твой, и воспоминания. Такую душу – чтоб сгреб в нее тебя, как медведь, и не выпустил бы. Нет, где там...

Оля. Папа.

Воронцов. Что?

Оля. Если бы ты был не ты, а я – не я и тебе было бы лет на двадцать меньше, я бы тебя непременно полюбила.

Воронцов (*ворчливо*). Слава богу, нашла наконец подходящего жениха. (*Подходит к этажерке, достает фотографию.*) Вот, пожалуйста, в двадцать четвертом году снимался. Возьми. Носи с собой в сумочке и смотри на проходящих мужчин, когда увидишь похожего, – знай, жених!

Оля. Опять ты! А я почти серьезно.

Воронцов. А я тоже – почти серьезно.

Звонок. Оля уходит в переднюю. Возвращается с Чижовым.

Чем могу служить?

Чижов. Товарищ Воронцов, я в больнице был, когда вас сюда поселили...

Воронцов. Так точно. После возвращения из эвакуации третий месяц в ваших палестинах живу, поскольку мой немец разбомбил.

Чижов. Эта квартира, я хотел вас предупредить, инженера Савельева была, Дмитрия Ивановича... Вам ничего не говорили?

Воронцов. Ничего. Сказали, что вещи тут стоят, когда нужны будут – заберут.

Чижов. Вот именно, вещи. Это Савельева вещи. Надо вам сказать, как на грех, аккуратно перед войной он с женой и дочерью на курорт какой-то поехал возле границы. И предполагается, что погиб там с семейством, иначе бы известия были.

Оля. Это их фотографии в той комнате стоят?

Чижов. Их. Ну, раз вы даже ихние фото не тронули, мне вам незачем объяснять про сохранность. Конечно, об них и слуху нет, но я сам в ополчении был, знаю: пока без вести – это еще не помер!

Воронцов. В какой ополченской были?

Чижов. В нашей, Бауманской.

Воронцов. Стало быть, однокашники.

Чижов. А разве вы тоже?

Воронцов. Тоже! Не тоже, а я, милый, отделенным был, Оля, ну-ка налей по маленькой бывшим однополчанам.

Входит Надя.

Надя. А вот и блинчики.

Воронцов. Давай сюда. За ползающих и перебегающих, невзирая на возраст! (*Пьет.*)

Оля. Пропали мои блинчики...

Надя. Еще сжарим.

Оля. Какое там «сжарим», и так опаздываю. (*Быстро целует отца.*)

Воронцов. Вот женщины, Чижов. Мы с тобой, может быть, в соседних окопах лежали, а ей блинчиков жаль.

Оля. Лежали, стреляли, ползали. Воевал две недели, а уж разговоров...

Воронцов. А чем меньше человек воевал, тем он больше об этом разговаривает. Это уж такой закон природы.

Оля выходит.

Верно, Чижов?

Чижов (*поднимаясь*). Верно. Рад я, что в хорошие руки квартира эта...

Воронцов. Да уж хорошие не хорошие, а как бывший однокашник, должен ты мне первому все поблажки делать – там свет включать, воду пускать...

Чижов. Безусловно.

Воронцов. Ты куда спешишь-то?

Чижов (*разводя руками*). Ремонт.

Воронцов. А мне бы тут тоже неплохо – ремонт по знакомству, а? Как это поют-то: «Вспомню я пехоту, и родную роту...»

Чижов (*неожиданно подтягивает урже в дверях*). «И тебя за то, что ты дал мне закурить».

Воронцов. Вот, вот.

Чижов выходит.

Вот именно. (*Не очень уверенно повторяет.*) «Вспомню я пехоту, и родную роту, и тебя за то, что ты дал мне закурить».

Надя. Федор Александрович, а я и не знала, что вы в ополчении были.

Воронцов (*недовольный тем, что она слышала, как он пел*). Был. Объявили ополчение – и пошел. Три недели был. На четвертую вызвали к командиру батальона. «Воронцов?» – «Воронцов». – «Тот самый?» – «Тот самый».

Надя. Ну?

Воронцов. Что «ну»? Ну, и изъяли. Отправили в эвакуацию чуть не под конвоем. Вот, курносая, какие дела... Надоело в небо палить, а? Замуж хочешь?

Надя. По правде, Федор Александрович?

Воронцов. А соврешь – не поверю.

Надя вдруг, присев, закрыв лицо передником, всхлипывает.

Ну, чего?

Надя (*вытирая глаза*). Ничего. Так бы... Так бы...

Воронцов. Что «так бы»?

Надя. Так бы его любила. Так бы ему хорошо было. Так бы...

Воронцов. Бедные вы, бабы, военные и не военные. Но плачь, Надежда, не плачь. Имя у тебя такое – плакать тебе нельзя.

*Звонок. **Надя** выходит и возвращается с **тетей Сашей**. Это шестидесятилетняя женщина, одетая по-деревенски.*

Знакомься, Надежда, – сестра моя. Садись, Саша. *(Подмигнув Наде.)* Может, водочки тебе налить?

Тетя Саша, строго поглядев на него, молча убирает в шкаф штоф и рюмки и только после этого садится.

(Проводив взглядом штоф, встает.) Однако заговорился с вами. Работать надо. *(Смотрит на Надю и на тетю Сашу.)* Александра Александровна. Старшая сестрица. Умнейшее в нашей семье существо, хотя и без высшего образования. Месяц назад из деревни Новые Дворы из-под Новгорода привез, откуда и сам произошел. Уже все знает, что где дают и где очередь меньше.

Тетя Саша. Все болтаешь, Федя. Балабол ты.

Воронцов. Кто?

Тетя Саша *(спокойно)*. Балабол. Иди, иди, а то заговоришь, обед не сготовлю.

Воронцов уходит в кабинет.

Надя. Я вам помогу. У меня сегодня отпускной день. Я у ваших раньше в работниках была.

Тетя Саша. Угадала. Говорили про тебя.

Надя. А вы так всю жизнь в деревне и жили?

Тетя Саша. Так и жила. Нас шесть девок было, так отец на нас – тьфу. Что мы ему? А его в семинарию определил. А потом уж он сам... *(Смотрит на стол.)* Это, что ли, твои блины-то хваленые? На чем печешь?

Надя. На соде.

Тетя Саша. Я им тут на дрожжах пекла. Не хороши им, все твои поминали. На соде, значит. *(Идет к двери.)* Пойдем, что ли, на кухню.

Надя. Пойдемте.

Тетя Саша. А фартук все же надела, мундир замарать боишься. Баба, она и есть баба, как ты ее ни ряди.

Тетя Саша и Надя выходят. В передней слышен скрип поворачиваемого ключа, потом голоса. В столовую входит Савельев в полковничьей шинели. Вслед за ним – Вася. Оба ставят на пол чемоданы.

Савельев. Ну, вот мы и дома. *(Устало опускается в первое попавшееся кресло.)* Да, Вася, странно, три года – и вдруг как будто ничего не переменилось. Да... *(Хлопает рукой по ручке кресла, смотрит на кресло.)* Первый раз в жизни вижу. Нет, шкаф мой. А стол не мой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.